

Львовский
Михаил
Григорьевич

22.07.94.

Крайние дороги

Восп. Москва. — 1994. — 22 июля. — С. 6.

Сегодня Михаилу Григорьевичу Львовскому — поэту, драматургу, прозаiku — исполняется 75 лет. Кто из людей старшего поколения не знает песен «Глобус», «Внимание! На старт!», «Ни мороз мне не страшен, ни жара», «Вот солдаты идут», «На Тихорецкую», «Дороги дальние» — все они на стихи М. Львовского.

Кто не смотрел фильмы «Я вас любил», «Точка, точка, запятая», «Это мы не проходили», «В моей смерти прошу винить Клаву К.» — все они сняты по сценариям М. Львовского. Москвичи, наверное, помнят спектакли по пьесам Львовского: «Поцелуй феи» в Театре сатиры (совместно с З. Гердтом), «Кристаллы ПС» в ТЮЗе, «Здравствуй, Катя» в Театре имени К. С. Станиславского, «Друг детства», героиня которой пела песню «На Тихорецкую состав отправится»...

Но это было позже, а началось все с того, что Миша Львовский приехал в Москву поступать в Театральный институт. Поступил. Прочитал полтора года и... перешел в Литературный институт. Учился на факультете поэзии, в семинаре у Ильи Сельвинского. Вот как об этом вспоминал Давид Самойлов: «Наша поэтическая компания называла себя поколением сорокового года. ...Нас было шестеро: М. Кульчицкий, П. Коган, Б. Слуцкий, С. Наровчатов, М. Львовский и я». И дальше: «Мы часто собирались у Когана в каморке за кухней, у меня. До поздней ночи читали и обсуждали стихи, строили планы. В этой школе стиха и политики собрались умы и характеры яркие и, казалось бы, несоместимые, однако уживались. Жаль, что не осталось четких формул Слуцкого, энергичных речей Когана, ироничных замечаний Кульчицкого, воспарений Наровчатого, тончайших анализов Львовского».

В 1941-м М. Львовский вступает в студенческий истребительный батальон, воюет в нем. В начале войны солдаты, бывало, маршировали под «белогвардейскую» песню, где были слова: «кра-

сотки ручками машут». Политрук попросил М. Львовского написать что-то «соответствующее обстановке». Михаил Григорьевич написал «Вот солдаты идут», и ее пели на тот же белогвардейский мотив, пока текст не попал к Кириллу Молчанову — его мелодия на слова Львовского и стала известной песней.

С 1945-го Михаил Григорьевич работал на Всесоюзном радио, откуда в 1949-м во время борьбы с космополитизмом был изгнан с запретом на профессию. Он никуда не мог поступить, и его не печатали в течение довольно длительного времени. А вот песни, написанные в «радийный» период, звучали долго. С песни «Дороги дальние» (музыка Новикова) начиналась передача «Ровесники». Вместе с В. Коростылевым Михаил Григорьевич сочинил радиопередачу «Димка-невидимка». Директор Центрального детского театра, услышав ее, попросил авторов написать пьесу для театра. Ее поставил в 1954 году тогда артист этого театра Олег Ефремов. Спектакль имел огромный успех и шел потом в сотне театров страны. И Михаил Григорьевич решил писать пьесы, чем и занимался следующие десять лет.

За сценарий «В моей смерти прошу винить Клаву К.» получил Государственную премию РСФСР. Есть у него книги о друзьях: «Зиновий Гердт» и «Человек, которому верят» о Р. Быкове.

Стихи Михаил Григорьевич никогда не оставлял, потому что «поэзия — не комната, в которую можно заглянуть по ошибке («Шел в комнату, попал в другую...»). Кто не просто «баловался стишками», как это делают многие в юности, а действительно был поэтом, — поэтом остается навсегда» (из предисловия Бенедикта Сарнова к выходящему сборнику стихов Львовского).

Правда, Михаил Григорьевич никогда ранее не печатал стихотворных произведений, но многие знали их и без публикаций. Вот один из характерных эпизодов, произошедший еще в 1969-м, на праздновании в «Современнике» 50-летия А. Володина: Волчек обратилась за столом к Михаилу Григорьевичу: «Львовский, передай мне, пожалуйста, соль». Это услышал сидевший рядом Евгений Евтушенко. «Кто здесь Львовский?!» (он не знал Михаила Григорьевича в лицо) — и прочитал наизусть: «Мы любим девушку заранее, не угадав ее из многих, предпочитаем только крайние невероятные дороги...»

Л. СИМАКОВА